

13.

Цзянь Мянью только и смог, что промолчать.

«Умение выводить людей из себя — это у младшего шишу в крови, — обречённо подумал он. — Но вы бы хоть на обстановку поглядели, господин хороший, прежде чем рот открывать».

Предсказать реакцию Шэнь Линьфэна было нетрудно: после слов Цинь Уцзю он помрачнел, а во взгляде застыла такая вековая толща льда, что в ней, казалось, можно было замерзнуть заживо.

Перед лицом неминуемой гибели Цзянь Мянью, как ни странно, обрёл покой. Когда против тебя выступает враг такой сокрушительной мощи, дёргаться бессмысленно. Что же, умереть бок о бок с младшим шишу — не самый худший финал. По крайней мере, по пути в преисподнюю будет с кем словом переброситься.

Дворик шишу, может, и не считался святым местом с идеальным фэншуй, но здесь хотя бы росли цветы и травы. Куда приятнее, чем испустить дух в какой-нибудь глухомани на съедение диким псам.

Одно лишь тревожило: шишу в своё время поступил, мягко говоря, некрасиво — отрубил голову папаше этого типа и выставил её на всеобщее обозрение. Кто знает, не решит ли Шэнь Линьфэн отплатить той же монетой? Представить собственную голову, болтающуюся на городских воротах, было...

«Ладно, мертвецам всё равно, что станет с их телом, — одёрнул он себя. — Лишь бы этот тип ударил метко и быстро, без лишних мучений».

— Цинь Уцзю, ты вырезал мой род и лишил меня ног, — голос Шэнь Линьфэна дрожал от с трудом сдерживаемой ярости. — Эта вражда не знает примирения. Сегодня ты заплатишь за всё своей кровью.

Цинь Уцзю окинул Шэнь Линьфэна задумчивым взглядом, задержавшись на инвалидном кресле, словно пытался выудить из памяти, кто перед ним.

Цзянь Мянью потянул его за край одежды и прошептал:

— Орден Небесного Пути. Фамилия Шэнь.

Цинь Уцзю едва заметно изменился в лице.

— Кое-что припоминаю, — протянул он, не сводя глаз с мужчины в белом. — Шэнь Линьфэн.

Баловень судьбы, гений, каких свет не видывал. Когда-то по тебе сохли все ученицы великих орденов. Жаль, что в восемнадцать лет с тобой случилась беда, и ты превратился в жалкого калеку, не способного даже стоять.

С каждым словом температура в саду падала. Когда Цинь Уцзю закончил, Цзянь Мянью уже боялся смотреть на врага.

Ему отчаянно хотелось схватить шишу за воротник и хорошенько встряхнуть. Ты же сам превратил его в инвалида! Зачем ты тыкаешь ему этим в лицо? Тебе мало того, что мы и так одной ногой в могиле?!

Цзянь Мянью понимал Шэнь Линьфэна. Будь он на его месте, вряд ли проявил бы столько терпения — пришиб бы обидчика в первую же секунду.

Тем временем ученики Ордена Небесного Пути плотным кольцом окружили дворик, отрезая любой путь к отступлению.

Ярость Шэнь Линьфэна достигла предела. Он не стал больше тратить слова. Взмахнув рукой, он призвал из пустоты длинный лук, переливающийся магическим светом. Из чистой энергии соткались три стрелы; их острия замерли, нацеленные точно в сердце Цинь Уцзю.

Цзянь Мянью уже видел этот лук в деле. Вся праздная чепуха мигом вылетела из головы, уступив место предельной сосредоточенности.

События последних дней были слишком суровыми для него. Люди из Ордена Небесного Пути твердили, что Цинь Уцзю — чудовище, заслуживающее лишь смерти. Но за всё то время, что они провели вместе, шишу не сделал ему ничего дурного. Цзянь Мянью не мог поверить им на слово и уж точно не собирался смотреть, как Цинь Уцзю убивают.

Шэнь Линьфэн разжал пальцы. Стрелы, неся в себе убийственную мощь, рванулись вперёд. Цзянь Мянью до дрожи боялся смерти, но в этот миг, повинувшись какому-то безотчётному порыву, он заслонил собой младшего шишу.

Ожидаемой боли не последовало. Раздался резкий звон — «дзинь, дзинь, дзинь» — и Цзянь Мянью ощутил, как перед ним возникла волна первобытной силы.

Распахнув глаза, он увидел прямо перед собой призрачный щит тёмно-алого цвета. От него исходила густая кровавая аура; стрелы, врезавшись в преграду, мгновенно увязли в ней и были поглощены.

Цзянь Мянью замер в изумлении, а секунду спустя понял: эта защита исходит от нефритовой подвески, которую он сжимал в рукаве. Подарок Цинь Уцзю.

«Что это за штука? Вещица младшего шишу? Какая... злодейская магия!»

Цзянь Мянью не переставал удивляться самому себе — в такой критический момент думать о стиле магических техник. Впрочем, размышления прервал сам Цинь Уцзю. Он бесцеремонно схватил племянника за шиворот и отодвинул в сторону:

— Не мешайся.

Цзянь Мянью поднял голову и увидел, что за это краткое мгновение Шэнь Линьфэн выпустил еще десяток стрел. Но все они, без исключения, исчезли в недрах призрачного щита, чтобы через секунду быть «выплюнутыми» обратно.

Град стрел развернулся и обрушился на самого Шэнь Линьфэна. Тот выставил защиту, и в саду столкнулись две мощные волны духовной энергии. Окружающее пространство буквально затрещало под этим давлением.

Несколько стрел угодили в стены. Ограда рухнула с оглушительным грохотом. Учеников, дежуривших снаружи, накрыло ударной волной — тех, кто не успел отскочить, отшвырнуло прочь; слышались стоны и звуки кашля с кровью.

Когда ветер утих, в саду воцарилась мёртвая тишина. Шэнь Линьфэн искажился в лице. Он разжал руку, и сияющий лук растаял в воздухе.

Цзянь Мянью растерялся: неужели сдался?

Нет.

Шэнь Линьфэн сверлил Цинь Уцзю взглядом, полным такой лютой ненависти, что становилось ясно: он не успокоится, пока не вырвет врагу сердце.

Мужчина в белом закрыл глаза, а когда открыл их снова, в его взоре читалась фатальная решимость. На его ладони появилась иссиня-чёрная жемчужина. В ту же секунду она вспыхнула таким ослепительным светом, что на неё стало невозможно смотреть.

Кровавый щит, защищавший Цзянь Мянью и Цинь Уцзю, не выдержал этого напора. Сияние прошло его насквозь, и преграда с грохотом рассыпалась.

Поднялся неистовый вихрь. Потoki духовной энергии сорвали лепестки с красной сливы над головой Шэнь Линьфэна, и весь двор закружился в багряном танце.

Цзянь Мянью едва держался на ногах, прикрывая лицо руками. Сквозь бурю он пытался разглядеть, что происходит, но видел лишь ослепительные сполохи. Энергия, заключённая в

этой жемчужине, была запредельной — смертные не могли обладать такой мощью. Неужели это божественный артефакт? Неужели в этом мире и впрямь есть боги?

Цинь Уцзю, глядя на артефакт, лишь прищурился — в его взгляде промелькнул странный блеск.

Посреди ревущего ветра Шэнь Линьфэн до крови прикусил палец и принялся стремительно чертить в воздухе сложный массив.

Как только был начертан последний символ, силы, казалось, окончательно покинули его. Мужчина стал сер в лице, как пепел, отчего взгляд, полный ненависти, казался ещё более страшным — так мог смотреть только выходец из преисподней, явившийся за мстью.

— Цинь... У... Цзю... — прохрипел Шэнь Линьфэн, чеканя каждое слово. — За всё, что ты совершил... ты заплатишь сполна.

Чёрная духовная жемчужина в центре кровавого массива задрожала. Свет мигнул и внезапно втянулся внутрь артефакта.

А в следующий миг духовная жемчужина взорвалась. Небеса перевернулись, солнце скрылось за густыми тучами, сам миропорядок пошатнулся под ударом колоссальной силы.

В этой ослепительной белой вспышке Цзянь Мянью на миг потерял сознание. А когда открыл глаза, обнаружил, что знакомый дворик исчез. Не было ни разъярённого Шэнь Линьфэна, ни Цинь Уцзю.

Перед ним расстилалась гладь кристально чистого озера. И время года переменялось: вместо лютой зимы стояло знойное лето, утопающее в цветах.

Берег манил прохладой раскидистых деревьев, в тени которых пестрели крошечные лесные цветы. Яркая зелень на фоне пронзительно голубого неба с пушистыми облаками — всё это напоминало ожившую пастораль. Сквозь просветы между стволами виднелись крыши домов.

«Где я?»

Цзянь Мянью машинально сунул руку в рукав. Нефритовая подвеска Цинь Уцзю была на месте, и он облегчённо выдохнул.

Но тут же заметил нечто странное. Повязка на его руке исчезла. Он засучил рукав — кожа была гладкой, чистой, без единого шрама. Что за чертовщина?

Он сделал пару шагов к воде. Из озёрного зеркала на него смотрело его собственное лицо.

Послышались голоса. Цзянь Мянью обернулся и едва не свалился в воду от испуга: на берегу стоял добрый десяток молодых людей в одеждах учеников Ордена Небесного Пути.

Он весь подобрался, ожидая нападения, но юноши лишь мельком взглянули на него и продолжили разговор.

Цзянь Мянью почувствовал, как внутри шевельнулось странное предчувствие. Все эти люди выглядели его ровесниками. Из их обрывков фраз он уловил: «первое задание», «искоренение демонов», «испытание».

Он удивлённо расширил глаза. Похоже, сейчас он сам — один из учеников ордена, отправленных на практику.

Это открытие немного его успокоило. Он принялся внимательно осматриваться и вдруг замер, глядя на опушку леса в восточной стороне.

Там, в стороне от остальных, стоял Цинь Уцзю.

Только этому Цинь Уцзю на вид было не больше восемнадцати-девятнадцати лет. Черты лица казались мягче, в них ещё сквозила юношеская незрелость. Но главное — он совсем не походил на того болезненного человека, которого знал Цзянь Мянью. Юноша стоял с безупречно прямой спиной, он буквально светился здоровьем, а красота была такой ослепительной, что невозможно было отвести глаз.

Должно быть, взгляд Цзянь Мянью был слишком пристальным. Цинь Уцзю открыл глаза и безошибочно нашёл его в толпе.

Их взгляды встретились. Сердце Цзянь Мянью пропустило удар. Он радостно прищурился, уже собираясь поприветствовать шишу, но в следующую секунду осёкся.

Взгляд Цинь Уцзю — холодный и равнодушный — скользнул по его лицу, точно по пустому месту. Юноша явно его не узнавал. Посмотрев на него как на незнакомца, он просто снова закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/17489/1710915>